

Трибуна преподавателя и студента

ГААГСКАЯ МОДЕЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО СУДА, ИЛИ ИГРА С ОГНЕМ

*М.Р. Давлетбаев**

С 29 июня по 5 июля 2000 г. в Гааге прошла 13-я по счету модель Международного Суда ООН. Суть модели заключается в том, что студенты-юристы из разных стран мира выступают в роли судей по вымышленному делу. В этом году это был запрос Генеральной Ассамблеи дать консультативное заключение по вопросу о законности мероприятий военного характера в районе острова Тайвань.

Была смоделирована следующая ситуация:

«10 июля 2000 г. на Тайване происходит мощное землетрясение. Власти Тайваня оказываются не способны справиться с его разрушительными последствиями, вследствие чего тысячи демонстрантов в Тайбэе выходят на улицы с требованием отставки действующего президента Ли Тэнхуэя. Через два дня, в 5 часов утра 12 июля Китай начинает широкомасштабную кампанию по вводу войск на Тайвань, в ходе которой уничтожается военная база и войска оккупируют всю территорию острова. Китайские власти закрывают центральные СМИ, занимают здания парламента и правительства, арестовывают членов правительства и президента, а также некоторых антипекинских политических деятелей, после чего часть из них публично казнит. Международные правозащитные организации заявляют о фактах убийств, изнасилований, грабежей и пыток мирного населения, совершенных военнослужащими китайской армии. Председатель КНР Цзян Цзэминь заявляет в Пекине о том, что «китайская провинция Тайвань вернулась в яно матери-Китая на путь коммунизма» и что «пересечение границы с Китаем, включая остров Тайвань, может производиться не иначе как с разрешения китайских властей». Ки-

* Студент IV курса международно-правового факультета МГИМО (У) МИД России, куратор Студенческой научной секции международного права.

тайский истребитель «Миг» не допускает пролета на территорию Тайваня американского самолета с гуманитарной помощью, после чего поступление международной гуманитарной помощи прекращается. Очередное землетрясение приносит новые многочисленные жертвы. Президент Ли Тэнхуэй из тюремной камеры по спутниковой связи возвещает миру о том, что Тайвань подвергся агрессии и что он «как представитель народа Тайваня» обращается к международному сообществу за военной помощью. 21 июля на заседании Совета Безопасности представитель США обвиняет Китай в незаконном применении силы против Тайваня и в грубых нарушениях прав человека и призывает ООН вмешаться в конфликт, однако Китай накладывает вето на все резолюции СБ, предполагающие международную интервенцию. Ровно через неделю Президент США требует немедленного вывода войск из Тайваня, при этом заявляя, что «США используют всю свою мощь для того, чтобы восстановить демократию на Тайване». Американский авианосец «Нимитц» отплывает по направлению к острову Тайвань. 9 августа 2000 г. на специальной сессии в целях предотвращения эскалации конфликта Генеральная Ассамблея принимает решение обратиться к Международному Суду с просьбой дать консультативное заключение по двум вопросам:

1. о законности действий Китая в данном конфликте;
2. о законности будущей возможной военной интервенции США на стороне Тайваня.

Китай просит Суд постановить, что остров Тайвань является неотъемлемой частью Китая и не является суверенным государством по международному праву. Соответственно, американская интервенция нарушила бы политическую независимость и территориальную целостность Китая, а также нарушила бы запрет на незаконное применение силы. США, со своей стороны, просят Суд постановить, что Тайвань является суверенным государством по международному праву, — следовательно, Китай должен немедленно вывести свои войска с островов и возместить Тайваню нанесенный ущерб. Кроме того, США просят Суд постановить, что американская военная помощь Тайваню будет представлять собой законный акт коллективной обороны и/или гуманитарной интервенции».

В этом году состав Суда был следующий: по три студента из Израиля, Египта и России, по двое из Турции и Мексики, одна студентка из Сингапура — всего было представлено 14 судей из 15. Таким образом, удалось добиться относительно сбалансированного представительства научных школ международного права, вследствие

чего все нижеприведенные решения Суда принимались, как правило, с минимальным перевесом голосов. Делегация из России состояла из трех студентов IV курса международно-правового факультета МГИМО (У) МИД России, которые прежде в апреле текущего года организовали в стенах Университета первую модель Международного Суда в России.

Гагская модель началась с выборов Председателя Суда, и так вышло, что благодаря удачному голосованию автор статьи получил необходимое большинство. Заместителем стал студент юридического факультета Стамбульского университета (Турция).

При проведении Модели ее участники обязаны строго придерживаться Статута Международного Суда и его Регламента, поэтому несмотря на вымышленность вышеизложенной ситуации анализ применимого права в подобных ситуациях представляет не только учебный, но и некоторый научный интерес.

Прежде всего Суду предстояло установить, является ли Тайвань суверенным государством по международному праву. Для решения этого вопроса Суд обратился к Конвенции о правах и обязанностях государств, Монтевидео, 1933, в которой содержатся четыре критерия для признания государства, а именно: определенная территория, население, эффективное правительство и международные отношения. После некоторых прений по поводу того, следует ли толковать слово «определенная» в обычном значении этого слова либо в смысле «юридической определенности». Суд сконцентрировал свое внимание на третьем критерии Конвенции, а именно на вопросе о существовании «эффективного правительства» Тайваня на момент китайской интервенции. Суд рассмотрел критерий эффективности правительства в двух различных ее проявлениях: внутри и вовне данной территории. Причем под «внутренней» эффективностью подразумевался эффективный контроль над подвластной территорией, в то время как под «внешней» — способность правительства к проведению самостоятельной государственной политики, не подчиненной воле какого-либо иного государства. Суд пришел к выводу о том, что после известных разрушительных землетрясений правительство Тайваня утратило способность к эффективному контролю над подвластной территорией. Что касается «внешнего» аспекта, то Суд усомнился в независимости тайваньского правительства от политической воли правительства США. Суд счел, что критерии Конвенции 1933 г. являются *Sine Qua Non* для существования государства. Таким образом, установив несоответствие третьему критерию указанной

Конвенции, Суд не стал оценивать другие возможные критерии государственности. Итак, первым решением Суда было то, что Тайвань не может быть признан суверенным государством по международному праву. Данное решение значительно облегчило дальнейшую работу Суда, поскольку оно сразу же исключило обвинения в агрессии в адрес Китая, а также притязания США на право коллективной самообороны.

Следующим был вопрос о праве народа Тайваня на самоопределение. Прежде всего Суд постановил, что право народов на самоопределение существует в международном праве не только в колониальном контексте, но может применяться и к народам, не находящимся в колониальной зависимости. Далее Суду предстояло решить, представляет ли собой население Тайваня *народ*, отличный от народа континентального Китая. В конце концов, со ссылкой на Пакт о гражданских и политических правах 1966 г. и на Декларацию о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами, в соответствии с Уставом ООН 1970 г. Суд с минимальным перевесом голосов решил признать население Тайваня в качестве отдельного народа в смысле вышеуказанных документов.

Суть следующих двух решений, принятых Судом, заключается в следующем. Прежде всего Суд разделил право на самоопределение на «внутреннее» и «внешнее», то есть на право на участие в государственных делах и самоуправление и, во-вторых, право на одностороннее отделение от государства. В первом случае Суд пришел к выводу, что народ Тайваня не осуществляет своего права на «внутреннее самоопределение», поскольку не принимает участия в общегосударственных делах. По поводу же «внешнего» самоопределения Суд постановил, что в свете норм *jus cogens*, касающихся территориальной целостности государств, отсутствие «внутреннего» самоопределения не означает возникновение права на одностороннее отделение от государства. Таким образом, попытка Тайваня отделиться от КНР должна быть признана противоправным нарушением суверенных прав КНР.

Итак, Суд отклонил как обвинение Китая в агрессии, так и претензии Тайваня на самоопределение в форме отделения от КНР. Последней возможностью для США уличить Китай в незаконности своих действий на острове Тайвань было рассмотрение Судом вопроса о соблюдении международно-правовых норм, касающихся прав человека, при проведении соответствующих мероприятий на

указанной территории. Важно отметить, что Суд признал свою юрисдикцию в отношении фактов нарушения прав человека на территории суверенного государства. После ожесточенных дискуссий большинство судей пришло к выводу о том, что «казнь членов правительства (видимо, без должной юридической процедуры), закрытие центральных СМИ и антигуманное обращение военнослужащих китайской армии с мирными жителями представляют собой грубое нарушение международно-правовых норм, касающихся прав человека». Суд *inter alia* «отверг заявление Китая о том, что военнослужащие, совершившие преступления, не действовали от имени правительства КНР». Тем не менее, по настоянию ряда судей (в т.ч. членов российской делегации) Суд отметил, что располагаемая им информация о точных деталях и масштабе мероприятий Китая может быть неполной.

Наконец, на своем последнем заседании Суд приступил к рассмотрению вопроса о законности будущей возможной интервенции США на остров Тайвань. Как уже было сказано. Суд отверг право США на коллективную самооборону ввиду отказа признать Тайвань в качестве суверенного государства. Поэтому судьи сразу перешли к рассмотрению вопроса о законности т.н. «гуманитарной интервенции». Прежде всего Суд решил установить, находит ли доктрина «гуманитарной интервенции» свое отражение в современном международном праве, и уже после этого, в случае положительного ответа на первый вопрос, оценить, соответствует ли сложившаяся ситуация условиям, при которых возможна такая интервенция. Это был, пожалуй, кульминационный момент всего обсуждения. Как и прежде, вопрос решился голосованием с перевесом в один голос в пользу решения о том, что доктрина «гуманитарной интервенции» не находит своего отражения ни в конвенционном, ни в обычном международном праве. При этом Суд отметил, что в отношении указанной доктрины не сложилось необходимого *opinio juris* для возникновения обычной нормы. Таким образом, Суд постановил, что обоснование США своих действий доктриной «гуманитарной интервенции» на данный момент должно быть отвергнуто.

Итак, в своем заключении Суд следующим образом ответил на два поставленных вопроса:

1. Действия КНР на острове Тайвань в указанный период находятся в противоречии с международно-правовыми нормами, касающимися прав человека. Тем не менее,

2. Одностороннее вмешательство США на стороне Тайваня также противоречило бы международно-правовым нормам *jus cogens*.

В заключение Суд, руководствуясь дискреционными полномочиями, предоставленными ему ст. 68 Статута Международного Суда при вынесении консультативных заключений, вынес следующие рекомендации в целях скорейшего мирного разрешения конфликта:

1. Конфликт должен быть урегулирован в соответствии с положениями главы VI и/или VII Устава ООН.

2. В случае невозможности разрешить данный конфликт Советом Безопасности Суд рекомендует Генеральной Ассамблее созвать специальную сессию в целях обсуждения возможности мирного урегулирования конфликта, в соответствии с Резолюцией 1950 Генеральной Ассамблеи «Объединение во имя мира».

При всех достоинствах вышеизложенного заключения представляется, что оно содержит в себе несколько внутренних неразрешенных противоречий. Позволю привести здесь некоторые собственные соображения, изложенные в особом мнении, которое было приложено к итоговому документу.

Во-первых, как уже было сказано выше, «Суд пришел к выводу, что народ Тайваня не осуществляет своего права на «внутреннее самоопределение»», после чего перешел к изучению вопроса о том, означает ли отсутствие «внутреннего» самоопределения возникновение права на одностороннее отделение от государства. В результате Суд принял решение, что «попытка Тайваня отделиться от КНР должна быть признана противоправным нарушением суверенных прав КНР».

Представляется, что решение Судом вышеприведенных вопросов очевидно выходит за рамки первоначального запроса Генеральной Ассамблеи, а также, на мой взгляд, не приближает Суд к искомому решению поставленного перед ним вопроса о законности мероприятий КНР на острове Тайвань.

Кроме того, думается. Суду не следовало приступать к решению вопроса о том, реализовывает ли Тайвань свое право на самоопределение, предварительно не установив:

1. отвечает ли народ Тайваня соответствующим требованиям для того, чтобы обладать правом на самоопределение, а именно:

а) существование отдельного *народа* (рассмотрено и признано);

- б) явно выраженная воля народа к самоопределению (не рассматривалось);
 - с) эффективное правительство (рассмотрено и не признано),
- и, в гипотетическом случае признания такого права,
2. нарушает ли Китай это право.

Из изложенного выше совершенно ясно, что право Тайваня на одностороннее отделение могло бы быть признано только в том случае, если бы Суд ответил утвердительно на оба этих вопроса. Тем не менее, еще раз необходимо подчеркнуть, что в данном случае в задачи Суда не входило установление наличия или отсутствия права Тайваня на отделение от КНР.

Другим, на мой взгляд, поспешным, стало решение о том, что некоторые действия со стороны Китая «представляют собой грубое нарушение международно-правовых норм, касающихся прав человека», а также решение Суда «отвергнуть заявление Китая о том, что военнослужащие, совершившие преступления, не действовали от имени правительства КНР». Принимая эти решения. Суд, как это уже упоминалось, делает оговорку принципиальнейшего значения: «располагаемая [Судом] информация о точных деталях и масштабе мероприятий Китая может быть *неполной*». Кроме того, обосновывая вышеприведенное решение, Суд в своем заключении использует следующее выражение: «*видимо, без должной юридической процедуры*». Эти два положения с необходимостью приводят к выводу о том, что Суд констатирует своё *сомнение*, или, по крайней мере, *недостаток информации*.

И в самом деле, Суд не располагал какой-либо достоверной информацией ни касательно подробностей процесса над государственными чиновниками и Президентом, ни (что более важно) какой-либо достоверной информацией о том, понесли ли лица, виновные в совершенных преступлениях, соответствующее наказание или преследуются ли они по закону.

Принимая это во внимание. Суду следовало учесть следующие два принципа, применимые в данном случае:

1. Признание суверенитета государства с необходимостью подразумевает признание законными *prima facie* всех действий, совершенных от имени правительства этого государства на всей его территории.
2. Ст. 38 (1) Статута Международного Суда предусматривает, что Суд применяет «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями», одним из которых является *презумпция*

невиновности, которая может быть применена в данном случае по аналогии права. Этот принцип гласит о том, что лицо считается невиновным, пока обратное не будет доказано в установленном законом порядке. Кроме того, он предусматривает, что любое сомнение в отношении виновности обвиняемого толкуется в его пользу.

В свете вышеприведенных соображений Суд, очевидно, не мог и не должен был презюмировать незаконность действий Китая на острове Тайвань, основываясь лишь на «видимой» и «неполной» информации.

Надо сказать, что по случайному совпадению при подготовке модели Международного Суда в Москве первоначально планировалось вынести на его рассмотрение примерно аналогичную ситуацию. Однако впоследствии от данной идеи пришлось отказаться в силу следующих соображений.

Действительно, как это записано в Уставе ООН, Международный Суд — исключительно юридический орган, а его судьи не могут быть связаны никакими политическими мотивами каких-либо государств. Однако в настоящее время международное право, видимо, еще не достигло такого уровня своего развития, при котором его нормы охватывали бы все возможные нюансы международно-правовых отношений, и на данный момент оставляет еще достаточно широкий простор для их толкования. Именно здесь возникают проблемы. Как это видно из практики настоящего Международного Суда, позиции ряда судей при толковании тех или иных положений зачастую прямо кореллируют с официальной позицией государств их гражданства. Особенно ярко это проявляется, когда в споре затрагиваются интересы наиболее влиятельных государств. Именно по этой причине в целях московской модели был разработан спор между двумя относительно небольшими государствами африканского континента. И надо сказать, что это было разумное решение. Несмотря на репрезентативный характер состава модели в Гааге, в ходе прений помимо «географического» нередко чувствовалось и некоторое «геополитическое» представительство участников Суда. Вместе с тем это, быть может, правдиво отражало как современный этап развития международного права в целом, так и реальный потенциал механизма мирного разрешения споров в частности.